ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА КАСТРЕНА ИЗЪ СѢВЕРНОЙ РОССІИ.

Имя автора этихъ писемъ, Финляндскаго уроженца г. Кастрéна, извѣстно уже читателямъ Современника. Въ свое время мы обратили вниманіе ихъ на отважное его предпріятіе провести нѣсколько лѣтъ въ сѣверныхъ странахъ по обѣ стороны Уральскаго хребта для изученія тамошнихъ не-Русскихъ племенъ преимущественно въ филологическомъ отношеніи. Окончательною цѣлью этаго путешествія — рѣшить вопросъ: въ какой степени родства при-Уральскіе народы состоятъ съ Финнами, и гдѣ первоначальная родина послѣднихъ? Значительную часть своего предпріятія г. Кастренъ уже исполнилъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ странствовавъ по сѣверной Россіи, онъ прошлаго года возвратился въ Финляндію съ богатымъ запасомъ наблюденій, привелъ ихъ отчасти въ порядокъ и недавно отправился опять въ Сибирь для продолженія своихъ изслѣдованій. Обѣщавъ знакомить нашихъ соотечественниковъ съ любопытными результатами путешествія г. Кестрéна и уже прежде сообщивъ нѣсколько данныхъ изъ его замѣтокъ, мы здѣсь предлагаемъ, съ незначительными пропусками, полный переводъ тѣхъ писемъ его, которыя онъ присылалъ въ Финляндію во время первыхъ двухъ лѣтъ своего многотруднаго странствованія. Переводомъ этимъ

обязаны мы двумъ соотечественникамъ Кастрéна, преимущественно же трудолюбивому г-ну Ю. Л.

Что касается до самаго автора, то онъ заслуживаетъ особенное вниманіе со стороны всѣхъ людей мыслящихъ и конечно займетъ нѣкогда почетное мѣсто въ исторіи Европейской филологіи. Не говоря уже о необыкновенномъ самоотверженіи, какаго требуетъ его предпріятіе, тѣмъ болѣе, что г. Кастрéнъ не можетъ похвалиться крѣпкимъ здоровьемъ, упомянемъ только о его обширной учености по части языкознанія, о его рѣдкой проницательности въ филологическихъ изъисканіяхъ, наконецъ о его неутомимомъ трудолюбіи и упорномъ постоянствѣ въ преслѣдованіи предположенной цѣли. Нѣкоторымъ свидѣтельствомъ этаго можетъ служить то, что г. Кастрéнъ, при началѣ своего путешествія почти вовсе не знавшій Русскаго языка, возвратился въ прошломъ году съ такими основательными въ немъ свѣдѣніями, что многія части Русской грамматики могъ бы пополнить новыми, иногда очень удачными замѣчаніями. Далѣе, онъ въ краткій промежутокъ отъ перваго своего путешествія до втораго, написалъ на Латинскомъ языкѣ Зырянскую грамматику, за которую удостоился получить половинную Демидовскую премію, приступилъ къ составленію грамматики Черемисской, обработалъ часть Лапландской и сверхъ того началъ излагать грамматику своего роднаго, Финскаго языка — самый любимый и давнишній предметъ его изслѣдованій. Г. Кастрéнъ намѣревается издать со-времепемъ и

нѣкоторыя мысли свои касательно Русскаго языка. Взглядъ на отечественное слово иностранца, основательно знающаго почти всѣ нарѣчія Финскихъ племенъ и столько другихъ языковъ, долженъ заключать въ себѣ для насъ много новаго и замѣчательнаго.

Редакц. Современ.

I.

Мезень, 17 Декабря 1842.

— — Вчера я возвратился сюда изъ деревни Сомжи, которая лежитъ въ 40 верстахъ къ сѣверу отъ Мезени. Эту маленькую поѣздку предпринялъ я въ надеждѣ найти тамъ болѣе удобный случай къ изученію Самоѣдскаго языка, нежели въ этомъ городѣ: ни здѣсь, ни въ околоткѣ я рѣшительно не могъ отыскать годнаго для моей цѣли субъекта, т. е. такаго человѣка, который бы въ состояніи былъ пройти мимо кабака и не зайти туда. На бѣду и въ Сомжѣ было не лучше. Я нанялъ тамъ самаго трезваго человѣка, какаго только могъ найти, но и тотъ, по нашимъ понятіямъ, былъ пьяница. Потомъ я попробовалъ взять Самоѣдку; но и она не могла ни на одинъ день остаться трезвою. Наконецъ я нанялъ нищаго, который уже не могъ имѣть никакихъ средствъ напиваться; но онъ былъ до такой степени лѣнивъ, что ровно ни къ чему не былъ способенъ. Послѣ того я прибѣгнулъ къ своимъ

бумагамъ и, вызвавъ изъ кабака всѣхъ Самоѣдовъ, прочиталъ имъ свои документы, съ порученіемъ избрать мнѣ порядочнаго человѣка въ учители. Они дѣйствительно сѣли на совѣщаніе, и выборъ палъ на Самоѣда, прибывшаго въ тотъ же день изъ *Канина-Носа*. Послали за нимъ; но онъ, притворившись больнымъ, легъ на полъ, охалъ и стоналъ, молился и заклиналъ, такъ-что я, наскучивъ, отпустилъ его.

Черезъ нѣсколько времени увидѣлъ я его лежавшаго пьянымъ на дворѣ. Однимъ словомъ, невозможно было въ окрестностяхъ Сомжи найти трезваго Самоѣда—и въ сознаніи грѣшной своей слабости каждый отказывался отъ обязанности, которую не могъ выполнить. При такихъ обстоятельствахъ я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ крайнему способу — начать заниматься въ ближнемъ *чумѣ* (Самоѣдскомъ шалашѣ), населенномъ нищими. Здѣсь безъ сомнѣнія не могло быть рѣчи объ основательныхъ наблюденіяхъ надъ языкомъ, потому-что, при крикѣ дѣтей, визгѣ собакъ и воѣ вѣтра, какъ-то трудно вникать въ тонкости языка, тѣмъ болѣе, что Самоѣды произносятъ слоги безъ ударенія, съ такою быстротою, что нелегко разбирать ихъ даже при самомъ напряженномъ вниманіи и въ такомъ шумливомъ обществѣ. Между-тѣмъ я прилежно ходилъ въ чумъ каждый день, пока маленькое приключеніе не отбило у меня охоты къ такимъ прогулкамъ. Какъ тебѣ вѣроятно извѣстно, сѣверная часть Мезенскаго округа — ровная, безлѣсная, бо-

лотистая земля. Уже въ окрестностяхъ Мезени разстилаются необозримыя равнины, называемыя у Русскихъ *тундрами*. Это конечно Финско-Лапландское слово *тунтури* (гора), но здѣсь, довольно странно, оно означаетъ болото, на которомъ растетъ оленій мохъ. Въ Лапландіи мохъ растетъ на горахъ; остальная часть края состоитъ изъ вязкихъ топей. Здѣсь же, въ Мезенской землѣ, оленій кормъ встрѣчается на самыхъ болотахъ, тамъ, гдѣ почва потверже. Это хозяйственное значеніе слова *тундры* объясняетъ, какъ благозвучное слово *тунтури*, съ высшимъ понятіемъ о горѣ, могло унизиться до значенія *тундры*. Окрестность Сомжи и есть тундра, въ плоскомъ значеніи слова. Это обнаженное дно Бѣлаго моря, безпрестанно подверженное ярости вѣтра. Тихій день здѣсь въ Самоѣдской землѣ вообще принадлежитъ къ числу рѣдкостей. По этой-то причинѣ, вѣроятно, Самоѣдъ вынужденъ одѣваться гораздо теплѣе, нежели Лопарь. Онъ въ отношеніи къ одеждѣ — Лопарь вдвойнѣ: носитъ двойныя шубы, шапки, сапоги. Самая юрта его составлена изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ; лѣтомъ онъ себѣ устраиваетъ шалашъ изъ берёста, которымъ даже въ четыре слоя обвиваетъ шесты своихъ стѣнъ. Бѣдные люди должны и зимою довольствоваться подобнымъ жилищемъ, и таковъ былъ именно тотъ чумъ, въ которомъ я изучалъ Самоѣдскій языкъ. Я только-что научился, къ удовольствію Самоѣдовъ, произносить слова: *тансерь нумгана* (у Бога непогода), какъ въ самомъ дѣлѣ поднялась ужасная буря.

Чумъ затрещалъ; снѣгъ такъ и посыпался въ скважины и въ дымовое отверзтіе; смоляная лампа погасла. Самоѣды улеглись подъ свои мѣха. Тогда я долженъ былъ отправиться обратно на свою квартиру.

Дорогой наткнулся я на Самоѣда, который отдыхалъ съ своими оленями. «Куда?» спросилъ я. «Въ питейный домъ», отвѣчали мнѣ твердымъ голосомъ. Отрекомендовавшись Самоѣду какъ путешествующій чиновникъ, я завелъ съ нимъ разговоръ, и между прочимъ случайно спросилъ о числѣ его оленей. Изъ этаго онъ подозрительнымъ Самоѣдскимъ умомъ своимъ вывелъ заключеніе, что у меня есть виды на его оленей. Бѣднякъ сталъ умолять меня о пощадѣ, снялъ свою шапку и три раза ударился лбомъ о снѣгъ, покрывавшій мои сапоги. Съ своей стороны я обѣщался не только оставить его оленей въ покоѣ, но и угостить его водкою, если онъ свезетъ меня въ деревню.

Пріѣхавъ на свою квартиру, узналъ я, что Архангельскій Гражданскій Губернаторъ пріѣхалъ въ Мезень и послалъ за нѣсколькими Самоѣдскими *тадибеями* (колдунами), чтобы видѣть ихъ фокусы. Это было для меня новымъ поводомъ оставить Сомжу и отправиться въ городъ: я надѣялся, что меня пригласятъ на представленіе. Такъ и случилось. Я теперь только-что возвратился изъ чума, гдѣ тадибей гремѣлъ на своемъ барабанѣ, предсказывая Его Превосходительству грядущую судьбу его. Отъ моего вниманія не ускользнуло, что тадибей

свое дѣло обращалъ въ шутку. Потому и не стоитъ описывать церемонію эту подробнѣе; но я долженъ упомянуть, что главный тадибей за цѣлковый обѣщалъ черезъ пять дней дать для меня другое представленіе въ своемъ чумѣ на Канинской тундрѣ, при чемъ онъ позволитъ мнѣ записать пѣсни, сопровождающія колдовство его. Нѣсколько такихъ рѣдкостей мнѣ уже удалось собрать, и послѣднюю ночь я долженъ былъ сидѣть у Губернатора и переводить для него пѣсни и сказки миѳическаго содержанія. Онъ обѣщалъ напечатать ихъ для Русской публики, а я также не оставлю прислать вамъ изъ Пустозерска подобныхъ обращиковъ.

Хотѣлось бы мнѣ расказать тебѣ кое-что о древней Чуди, какъ по общеизвѣстнымъ преданіямъ, такъ и основываясь на сходствѣ въ нравахъ и бытѣ между жителями Пинежскаго округа и нашими Финскими мужиками; но такъ-какъ мнѣ ужъ завтра надобно ѣхать, то расказъ о Чуди пусть останется до другаго раза.

Что касается до предстоящаго путешествія моего, то я, внимательно обдумавъ дѣло, положилъ сперва отправиться въ *Пустозерскъ*, самую сѣверную Русскую деревню въ Самоѣдской странѣ, лежащую въ нѣсколькихъ миляхъ отъ впаденія Печоры въ Ледовитое море. Во время зимнихъ мѣсяцевъ это удобнѣйшее мѣсто для моихъ изысканій касательно Самоѣдскаго языка. Къ этому пустынному мѣсту настоящая почтовая дорога идетъ черезъ различныя Русскія деревни въ слободу *Устьцыльмскъ*, а от-

туда далѣе 250 верстъ внизъ по рѣкѣ Печорѣ. Путь конечно былъ бы очень покоенъ: но для цѣли моего путешествія я долженъ избрать не слишкомъ-то привлекательную дорогу черезъ Канинскую и Тиманскую тундры; потому-что кто хочетъ изучить народъ, тотъ долженъ и жить посреди народа. Разстояніе отъ Мезени до Пустозерска черезъ тундры считаютъ верстъ въ 700. Къ-счастію на этой дорогѣ встрѣчаются Русскія деревни и дворы, гдѣ можно останавливаться и заниматься. Таковы—деревня *Несь* (100 верстъ къ сѣверу отъ Мезени), гдѣ у Канинскихъ Самоѣдовъ есть Церковь и ни однаго кабака, и *Пёша* (въ 150 верстахъ оттуда), гдѣ также есть Церковь для Тиманскихъ Самоѣдовъ. Изъ Пёши останется еще верстъ 400—500 до Пустозерска.

II.

Пустозерскъ, 23 Марта 1843.

Слѣдуя плану, сообщенному мною въ письмѣ изъ Мезени, оставилъ я деревню Пёшу и прибылъ сюда 16 Февраля. Это мѣсто—такъ означаетъ самое названіе—пустыня. На пространствѣ цѣлыхъ миль не встрѣтишь тутъ ни слѣда лѣсу, если не считать деревьевъ, иногда плывущихъ по Печорѣ. На необъятномъ протяженіи земля ровна, такъ ровна, какъ поверхность моря. Здѣсь вѣтръ бушуетъ безпрерывно, иногда съ такою силой, что безъ опасности жизни не можешь высунуть носа за двери. Однажды мнѣ вздумалось въ страшную непогоду поспо-

рить съ вѣтромъ: едва сошелъ я съ лѣстницы, какъ меня, будто снѣжный комокъ, ударило о стѣну. Теперь я чрезвычайно страдаю отъ безводія: двое сутокъ нельзя было доставать воды изъ Печоры. Не смотря на то, вчера пріѣхали въ деревню два Самоѣда. Я спросилъ у нихъ, какова погода на тундрѣ. «Слава Богу», отвѣчали они, «можно было видѣть оленей передъ санями». А въ продолженіе двухъ сутокъ, когда я отъ Пёши ѣхалъ вдоль Ческой губы къ Святому носу, и оленей не видно было передъ санями. Въ эту достопамятную для меня поѣздку я однажды сбился съ пути и цѣлыхъ 12-ть часовъ не зналъ, гдѣ я. Днемъ я промокалъ до костей, а ночью платье мое замерзало и становилось совершенно жесткимъ. Еще нѣсколько часовъ—и я пропалъ бы. Сами ямщики были безутѣшны; но, противъ всякаго чаянія, олени наконецъ довезли насъ до чума. Черезъ двѣ недѣли я намѣренъ отправиться въ страну болѣе гостепріимную — въ Ижемскъ, преимущественно для того, чтобы изслѣдовать, есть ли близкое родство между Зырянскимъ языкомъ и Самоѣдскимъ. Ежели есть, то я вѣроятно заѣду въ Вологодскую губернію, гдѣ Зырянъ гораздо болѣе, нежели въ Ижемскихъ деревняхъ. Если же, напротивъ, какъ я почти навѣрное полагаю, родство этихъ языковъ незначительно, то я отправлюсь изъ Ижемска въ Колву, и оттуда далѣе—въ Сибирь. Ижемскъ (на разстояніи верстъ 330-и къ югу отъ Пустозерска) есть деревня при рѣкѣ Ижмѣ, которая впадаетъ въ Печору. Колва—Самоѣдское поселеніе на Больше-

земельской тундрѣ. Здѣсь есть Церковь, два священника и Самоѣдскій толмачь. Въ этой деревнѣ живутъ 11 осѣдлыхъ Самоѣдовъ, и они, какъ я слышалъ, промѣняли свой природный языкъ на Зырянскій. — —

III.

Ижемскъ, 1 Мая 1843.

Если память меня не обманываетъ, я окончилъ послѣднее письмо къ тебѣ описаніемъ городка Кеми, о которомъ у меня почти не осталось никакаго другаго воспоминанія, кромѣ того, что я тамъ былъ посмѣшищемъ сорóкъ и уличныхъ мальчишекъ. Оттуда можешь ты, безъ моей помощи, отправиться по ледянымъ волнамъ Бѣлаго моря въ монастырь Соловецкій, и далѣе въ Архангельскъ. Пріятное впечатлѣніе производитъ на меня имя Мезень; причиною тому не столько жители этаго города, сколько маленькое происшествіе, которое мнѣ всегда приходитъ на мысль, когда вспоминаю объ этомъ городкѣ. Дѣло вотъ въ чемъ. 19 Декабря 1842 года стояла передъ домомъ полицеймейстера кибитка парой. Ямщикъ выносилъ изъ гостинницы маленькіе ящики, сумки и пакеты, обшитые клеенкою, и проч. — и все это два полицейскіе служителя клали въ кибитку. Между-тѣмъ собралось на улицѣ нѣсколько зрителей, мущинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ людей. Не смотря на сильный морозъ, они часа два стояли около кибитки, нетерпѣливо желая увидѣть, какъ наконецъ усадятъ отъѣзжающаго. Многіе, протягивая головы,

посматривали сквозь низенькія окна, скоро ли окончится обѣдъ, причинявшій замедленіе. Наконецъ предметъ ожиданія явился передъ любопытными. Въ то время, какъ онъ осматривалъ свои вещи и приказывалъ перемѣстить нѣкоторыя изъ нихъ, вокругъ него раздавались разныя замѣчанія о немъ и объ его путешествіи. «Такъ еще молодъ—и должепъ ѣхать въ Сибирь», сказала пожилая женщина; а сосѣдка ея прибавила: «говорятъ, что онъ тамъ долженъ пробыть много лѣтъ; когда воротится, будетъ уже старичекъ—а что ему тогда въ семейной жизни?» «Богъ вѣсть, за что-то бѣдняжку посылаютъ въ Сибирь?» сказалъ кто-то. «Объ этомъ я кое-что знаю», прервалъ другой голосъ. «Я видѣла, какъ Нѣмецъ, пріѣхавъ въ городъ, прямо отправился къ полицеймейстеру — и, хотя его дома не было, велѣлъ внести къ нему свои вещи, тамъ остановился, и все время сидѣлъ у полицеймейстера какъ въ тюрьмѣ. Потомъ пріѣхалъ въ городъ жандармскій полковникъ — и хотя ему наняли другую квартиру, онъ хотѣлъ жить у полицеймейстера, гдѣ жилъ Нѣмецъ. Говорятъ, что полковникъ часто до полуночи разговаривалъ съ Нѣмцемъ на иностранномъ языкѣ. Теперь Нѣмецъ ѣдетъ въ Сибирь; нѣтъ! тутъ что-то неладно, въ этомъ я увѣрена». «Ты ничего не смыслишь» перервалъ разумникъ-мѣщанинъ, «а я знаю, что у Нѣмца бумаги отъ большихъ господъ, и что онъ можетъ дѣлать, что хочетъ. Такимъ же образомъ, какъ жандармскій полковникъ и какъ другіе господа, которые ѣздятъ по казенной надоб-

ности, Нѣмецъ остановился у полицеймейстера, потому-что городъ нанялъ этотъ домъ для такихъ. А отъ чего онъ ѣдетъ въ Сибирь? это мнѣ также извѣстно. Недавно, когда я вечеромъ сидѣлъ у Алексѣя Васильевича, Нѣмецъ пришелъ къ нему съ огромною книгой въ рукѣ. Алексѣй жилъ лѣтъ двадцать на тундрѣ и все знаетъ; онъ сталъ называть ему всѣ горы и рѣки, а Нѣмецъ записывалъ все это въ свою книгу. И еще разсказалъ ему Алексѣй, въ какихъ горахъ находится черный, и въ какихъ синій камень, гдѣ можно найти мѣдь и желѣзо, золото и серебро. Все это записалъ Нѣмецъ въ своей книгѣ, и отъ того я знаю, что онъ ищетъ золота и прочаго такаго, что водится въ горахъ». Это было сказано съ такою увѣренностью, что никто не осмѣлился возражать. Между-тѣмъ, какъ мнѣніе обо мнѣ такъ поправлялось, голосъ состраданія началъ опять подыматься изъ нѣкоторыхъ чувствительныхъ сердецъ. Жалѣли не только обо мнѣ, но и о всѣхъ моихъ домашнихъ, особливо о бѣдной покинутой женѣ. Наконецъ окружила меня толпа нищихъ, которые жалкимъ голосомъ кричали»: Христа ради милостыньку, батюшка!» Неотступнѣе всѣхъ была дряхлая баба въ широкомъ чепцѣ и въ полосатой юбкѣ. «Подай, батюшка, денежку бѣдной», говорила старуха; «Богу буду за тебя молиться; Богородица призритъ тебя въ пути; ей угодны молитвы бѣдныхъ.»

Въ самомъ дѣлѣ я принужденъ былъ развязать свой кушакъ—и началъ раздавать мѣдную монету.

Потомъ я скорѣе вползъ въ кибитку—и, выглянувъ оттуда на окружавшихъ, увидѣлъ рядъ старыхъ людей, которые, оборотясь къ Собору, крестились—и, по обѣщанію старухи, молились Богу за мое благополучіе. Въ то самое время раздался громкій благовѣстъ съ соборной колокольни. Всѣ, снявъ съ головы шапки, крестились. Затѣмъ еще слышенъ былъ хоръ: «Господи помилуй»; послѣ этаго я ничего не слыхалъ, кромѣ громкаго колокольнаго звона. Вотъ при какихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ я началъ путешествіе къ Самоѣдамъ. Благовѣстъ еще раздавался въ моихъ ушахъ, когда я пріѣхалъ въ деревню Сомжу. Почтовый колокольчикъ возвѣстилъ жителямъ пріѣздъ человѣка съ подорожною. Кибитка моя тотчасъ была окружена любопытными. Такъ-какъ я уже прежде изъ Мезени пріѣзжалъ въ эту деревню, то жители приняли меня какъ знакомаго. Едва я успѣлъ сбросить съ себя тулупъ, какъ два служителя закона вошли въ комнату и сообщили мнѣ приказъ Становаго пристава, въ тотъ же день пріѣхавшаго въ эту деревню, чтобы я сейчасъ явился къ Его Благородію. Это подало поводъ къ забавному спору о нашихъ званіяхъ, который кончился тѣмъ, что Становой вскорѣ пришелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими наиболѣе значительными крестьянами, которымъ онъ велѣлъ немедленно исполнить всѣ мои законныя требованія. Кромѣ того онъ спросилъ меня, нѣтъ ли у меня еще какаго-нибудь приказанія. Такъ-какъ я въ Мезени назначилъ свиданіе одному Самоѣдско-

му тадибею (колдуну), который жилъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Сомжи, то я и потребовалъ теперь сѣвернаго оленя, чтобы ѣхать къ нему. Къ моей досадѣ, въ деревнѣ не было никого, кто бы могъ мнѣ указать, гдѣ находился чумъ Самоѣда. Поэтому Становой приставъ тотчасъ послалъ человѣка искать чумъ и привезти ко мнѣ тадибея. Между-тѣмъ я началъ приводить въ порядокъ старыя замѣтки — дѣло, за которое я всегда принимаюсь, когда нѣтъ другаго.

IV.

Наконецъ, на третій день по пріѣздѣ моемъ въ Сомжу, посланный возвратился съ тадибеемъ. Когда я ему напомнилъ наше условіе, утвержденное съ моей стороны цѣлковымъ, онъ отказался отъ всего и объявилъ, что, сдѣлавшись теперь Христіаниномъ и стоя на краю могилы, не хочетъ имѣть сообщенія съ дьяволомъ; онъ прибавилъ, что сжегъ уже свой таинственный барабанъ — и даже для излеченія больной своей дочери не употреблялъ колдовства. Цѣлковый онъ былъ готовъ возвратить, или расплатиться за него разными свѣдѣніями объ искуствѣ тадибеевъ и другимъ, что могло мнѣ понадобиться. Нетрудно было бы мнѣ достать другой барабанъ и нѣсколькими рюмками водки поколебать тадибея въ его правилахъ; но я считаю священнымъ долгомъ уважать совѣсть даже Самоѣда. Сверхъ того обѣщаніе тадибея сообщить мнѣ кое-какія объясненія насчетъ чародѣй-

ства Самоѣдовъ было для меня гораздо важнѣе самаго отправленія ихъ колдовства, что легко можно увидѣть у необращенныхъ въ Христіанство Самоѣдовъ.

Такъ-какъ рѣчь зашла о тадибенхъ, ты, можетъ быть, желаешь узнать что-нибудь о мистическомъ ремеслѣ ихъ.

У всѣхъ народовъ предметы магіи одинаковы; ихъ столько, сколько у человѣка желаній, намѣреній и нуждъ. Но преимущественно чародѣйство бываетъ либо врачебнымъ искуствомъ, либо ворожбою. У нѣкоторыхъ народовъ, какъ на прим. у Финновъ, врачебное искуство занимаетъ первое мѣсто; у другихъ, какъ на примѣръ у Самоѣдовъ, ворожба. Перевѣсъ того или другаго направленія зависитъ отъ различной степени просвѣщенія, отъ характера и духовныхъ силъ народа. Чародѣй или самъ свой богъ и изъ глубины души своей почерпаетъ все, что ему нужно для своей цѣли, или онъ заклинаетъ другихъ боговъ о помощи. По мнѣнію Самоѣдовъ, чародѣй не имѣетъ никакой силы отъ себя, или по крайней мѣрѣ весьма незначительную; онъ только посредникъ міра духовъ, и вся его сила состоитъ въ томъ, во-первыхъ, что онъ можетъ вступать въ сообщеніе съ духами, называемыми Тадебціо, во-вторыхъ, что онъ въ состояніи усмирять тѣхъ Тадебціо. Какъ Самоѣды сами, такъ и Тадебціо — племя лукавое, упрямое и своенравное. Иногда имъ вздумается не повиноваться тадибею, иногда они обманываютъ его лживыми оракулами; надъ

старыми тадибеями они только насмѣхаются, почему для этаго званія надобно быть молодымъ, сильнымъ; нужно даже имѣть здоровое и мускулёзное тѣло, затѣмъ, что тадибей, по повелѣнію Тадебціо, иногда долженъ рѣзать и терзать себя ножемъ и другими острыми орудіями. Впрочемъ этотъ обычай теперь, говорятъ, въ упадкѣ; но древніе тадибеи, если вѣрить сказкамъ, пронзали себя копьями и стрѣлами, давали рѣзать себя на мелкіе куски и опять оживали. То же самое расказываютъ и про нѣкоторыхъ еще живыхъ тадибеевъ, и слѣдующій анекдотъ доказываетъ, что этому должно быть какое-нибудь основаніе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сошлися въ чумѣ на Тиманской тундрѣ три Самоѣда и одинъ Русскій. Изъ Самоѣдовъ одинъ былъ посвященъ въ таинства тадибеевъ. Другіе попросили его *бить кудесъ*, какъ выражаются Русскіе, когда дѣло идетъ о чародѣйствѣ Самоѣдовъ. Доведенный до обычнаго восторженнаго состоянія, тадибей, во время самаго обряда, потребовалъ, чтобы въ него выстрѣлили изъ заряженнаго ружья. Одинъ изъ Самоѣдовъ исполнилъ приказаніе, но далъ промахъ, или, какъ расказываютъ, пуля отпрыгнула отъ тѣла. Опять зарядили ружье, и другой Самоѣдъ выстрѣлилъ, но также неудачно. Удивляясь этому, Русскій зарядилъ ружье, выстрѣлилъ и — — Самоѣдъ упалъ мертвый. На Канинской тундрѣ я встрѣтился съ чиновниками, посланными для изслѣдованія дѣла. Не знаю результата слѣдствія; расказъ мой основывается на об-

щихъ толкахъ. Но возвратимся къ древнимъ тадибеямъ, о которыхъ я слышалъ множество сказокъ, встрѣчаемыхъ и въ Финскихъ народныхъ преданіяхъ. Тадибеи плаваютъ подъ водою, летаютъ, подымаются до облаковъ, проникаютъ въ нѣдра земли и притомъ берутъ видъ, какой имъ угодно Ремесло тадибея наслѣдственно. Такъ и у Финновъ: но Финскій чародѣй долженъ выучивать наизустъ длинные уроки заклинательныхъ словъ и сверхъ того знать множество другихъ фокусовъ, между-тѣмъ-какъ Самоѣдъ избавляется отъ всего этаго. Все, что̀ первый берется самъ разгадать наслѣдованною отъ своихъ прадѣдовъ мудростію, то послѣдній предоставляетъ попеченію Тадебціо. Онъ только переводитъ, что они ему откроютъ на своемъ языкѣ, внятномъ слуху одного лишь тадибея. Правда, я слышалъ между Самоѣдами выраженіе: «*учиться у тадибеевъ*», но никто не могъ хорошенько объяснить, въ чемъ именно состоитъ это ученіе. Одинъ Самоѣдъ, какъ самъ онъ мнѣ разсказывалъ, на пятнадцатомъ году отъ роду былъ посланъ къ тадибеямъ въ ученіе, потому-что многіе изъ его рода были отличными чародѣями. Двумъ тадибеямъ поручено было учить его. Они платкомъ завязали ему глаза, дали въ руки барабанъ и велѣли забарабанить. Между-тѣмъ одинъ изъ тадибеевъ рукою билъ его по темени, другой колотилъ его по спинѣ. Это продолжалось нѣсколько времени, и вдругъ мальчикъ прозрѣлъ. Передъ глазами его явилось множество Тадебціо; они плясали у него

на рукахъ и на ногахъ. Ученикъ въ испугѣ отправился къ священнику, и тотъ его окрестилъ. Послѣ этаго, сказалъ онъ, не видалъ я уже ни однаго Тадебціо. Для поясненія надобно прибавить, что тадибеи напередъ чудовищными расказами о Тадебціо воспламенили воображеніе ученика. Когда тадибей, какъ слѣдуетъ, посвященъ въ таинства ремесла, то онъ заводится барабаномъ и особымъ костюмомъ. Барабанъ, смотря по состоянію тадибея, бываетъ болѣе и менѣе изукрашенъ кольцами изъ желтой мѣди, оловянными бляхами и тому подобнымъ. Онъ круглъ, но неровной величины. Самый большой, какой я видѣлъ, съ аршинъ въ діаметрѣ, а вышиною былъ въ три дюйма. Онъ съ одной лишь стороны бываетъ обтянутъ топкою, прозрачною оленьею кожей. Этотъ небольшой снарядъ въ рукахъ тадибея могучее орудіе. Имъ укрѣпляетъ онъ собственный духъ свой; звучный бой его проникаетъ въ сокровенный міръ духовъ и пробуждаетъ ихъ отъ лѣтняго сна. Костюмъ тадибеевъ и наряденъ и страненъ. Онъ состоитъ изъ замшевой рубашки (самбурча) съ подоломъ изъ краснаго сукна. По всѣмъ швамъ идетъ выпушка, а на плечахъ эполеты; тѣ и другіе изъ такаго же сукна. На глазахъ и на всемъ лицѣ виситъ лоскутокъ сукна. Голова непокрыта; только узенькая лента изъ сукна обвиваетъ затылокъ; другою такою же повязано темя. На этихъ лентахъ утвержденъ висящій лоскутокъ сукна. На груди тадибей носитъ желѣзный листъ. Въ такомъ

нарядѣ чародѣй садится и проситъ у Тадебціо совѣтовъ и пособія. Ему помогаетъ другой тадибей, менѣе искусный. Колдовство начинается тѣмъ, что главный тадибей стучитъ въ свой барабанъ, припѣвая нѣсколько словъ таинственнымъ, ужасающимъ напѣвомъ. Другой подтягиваетъ, и оба перепѣваютъ, подобно Финскимъ рунопѣвцамъ, тѣ же слова. Каждое слово, каждый слогъ тянутъ они до безконечности. Послѣ краткаго предисловія начинается бесѣда съ Тадебціо: искуснѣйшій тадибей при этомъ часто молчитъ и тихонько барабанитъ. Вѣроятно онъ тогда прислушивается къ отвѣтамъ Тадебціо. Между-тѣмъ помощникъ продолжаетъ перепѣвать послѣднія слова главнаго колдуна. Когда этотъ кончитъ безмолвную бесѣду съ Тадебціо, оба испускаютъ дикій ревъ, удары въ барабанъ усиливаются—и изреченіе оракула возвѣщается. Я долженъ еще замѣтить, что пѣсни тадибеевъ состоятъ изъ нѣсколькихъ только словъ и поются едва ли не экспромтомъ. Въ Самоѣдскихъ пѣсняхъ вообще немного значитъ какое-нибудь отдѣльное слово, еще менѣе размѣръ и стопы. Если пѣвецъ знаетъ, что ему говорить, то слово само собою является; если же оно нейдетъ къ напѣву, то выпускаютъ одинъ слогъ или растягиваютъ его, смотря по требованію напѣва. Но если Самоѣдъ не поетъ, а только читаетъ пѣсню; то онъ заботится о соблюденіи извѣстнаго риѳма, къ которому привыкъ уже и мой слухъ. Этаго риѳма нельзя переложить на какой-нибудь размѣръ; одна-

ко жъ въ немъ замѣтно нѣкоторое сходство съ двустопными хореями.

Еще нѣсколько словъ о обрядахъ, соблюдаемыхъ при производствѣ колдовства. Если, напримѣръ, потеряли оленя, тадибей сперва призываетъ Тадебціо, при чемъ употребляетъ слѣдующее заклинаніе :

Придите, придите
(Духи сильные)!
Если вы не придете,
То я къ вамъ приду.

Пробудитесь, пробудитесь
(Духи сильные)!
Я къ вамъ пришелъ:
Ого сна пробудитесь!

(*Тадебціо* отвѣчаетъ)

Скажи, по какимъ
Дѣламъ ты хлопочешь?
Зачѣмъ пришелъ ты
Нашъ покой возмущать?

(*Тадибей*)

Недавно ко мнѣ
Пришелъ Ненецъ (Самоѣдъ);
Этотъ человѣкъ меня
Неотступно тревожитъ :

Олень его пропалъ.
Вотъ почему я
Теперь къ вамъ пришелъ.

На этотъ призывъ обыкновенно является только одинъ Тадебціо. Если ихъ приходитъ много, то одинъ говоритъ такъ, другой иначе — и тадибей не знаетъ, кому вѣрить. Тадибей тогда начинаетъ упрашивать своего духа отыскать оленя. «Ищи его, ищи прилежно, чтобъ олень не пропадалъ.» Тадебціо, разумѣется, исполняетъ такое желаніе. Между-тѣмъ тадибей наказываетъ ему «искать хорошенько, пока не найдетъ.» Когда Тадебціо возвратится, тадибей опять начинаетъ увѣщевать его, чтобъ говорилъ правду. «Не ври; если солжешь, мнѣ будетъ плохо. Тогда товарищи будутъ смѣяться надо мною. Что ты будешь говорить, то говори прямо; скажи злое, скажи доброе. Скажи только слово. Если будешь много говорить (т. е. неопредѣленно и сбивчиво), то мнѣ не будетъ хорошо,» и т. д. Тадебціо указываетъ мѣсто, гдѣ онъ видѣлъ оленя. Тогда тадибей, вмѣстѣ съ тѣмъ, кто искалъ его помощи, идетъ къ назначенному мѣсту. Но вѣдь не его вина, если олень между-тѣмъ убѣжалъ, или другой тадибей, по наставленію своихъ Тадебціо, закрылъ слѣды оленя, и т. п. Нельзя также не замѣтить, что тадибей, до начатія колдовства, освѣдомляется о всѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ пропалъ олень — когда и гдѣ это случилось. Если Самоѣдъ полагаетъ, что олень украденъ; то — какіе у него

были сосѣды, не былъ ли кто изъ нихъ во враждѣ съ нимъ, и проч. Если тотъ не можетъ доставить нужныя свѣдѣнія, то тадибей прибѣгаетъ къ своему барабану, предлагаетъ тѣже вопросы Тадебціо, снова распрашиваетъ Самоѣда и продолжаетъ это, пока изъ показаній Самоѣда не составитъ себѣ точнаго понятія о существѣ дѣла. Это-то убѣжденіе потомъ, во время восторженнаго состоянія тадибея, и произносится отъ имени Тадебціо. Можетъ быть, оно иногда образуется и во время самаго восторженнаго состоянія тадибея, или во снѣ; вѣрно только то, что тадибей дѣйствительно вѣритъ, будто слышитъ изреченіе изъ устъ Тадебціо. Кромѣ спокойныхъ, благоговѣйныхъ и единогласныхъ раскавовъ самихъ тадибеевъ о существѣ дѣла, убѣждаюсь въ этомъ предположеніи еще другимъ обстоятельствомъ: колдунъ часто признается въ томъ, что онъ или не былъ въ состояніи призвать Тадебціо, или не могъ добиться отъ него яснаго отвѣта — и въ этомъ сознается онъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда бы очень легко могъ состряпать, какое угодно, изреченіе. Я для забавы иногда самъ повѣрялъ такимъ образомъ честность тадибеевъ.

Кромѣ означенныхъ средствъ къ отысканію пропавшаго оленя, есть еще другой способъ, употребляемый Самоѣдами, непосвященными въ науку тадибеевъ. Составляютъ на землѣ кругъ изъ оленьихъ роговъ; въ серединѣ круга кладутъ точило, а на него огниво, топоръ, или что-нибудь другое изъ желѣза, такимъ образомъ, чтобъ это съ точиломъ обра-

зовало крестъ и, какъ можно легче, спадало. Потомъ Самоѣдъ обходитъ кругъ; крестъ распадается—и вотъ уже знаютъ, въ какой сторонѣ олень: когда Самоѣдъ пойдетъ въ ту сторону, то непремѣнно встрѣтитъ оленя. Такимъ же образомъ отыскиваютъ заблудившихся людей, только съ тою разницею, что кругъ составляется изъ человѣчьихъ волосъ. Этотъ оракулъ основывается на молитвѣ, обращаемой къ *Хехе*, какъ называютъ Самоѣды свои истуканы, соотвѣтствующіе *Сейдамъ* Лопарей. *Хехе* сдѣланы изъ дерева и имѣютъ человѣческій образъ, кромѣ головы, остроконечной и треугольной. Необращенные Самоѣды вездѣ возятъ съ собою подобные истуканы, обмазываютъ ихъ, какъ Лопари свои Сейды, оленьею кровью, и приносятъ имъ въ жертву голову и копыта оленьи. Голову ставятъ, гдѣ это можно сдѣлать, на деревѣ противъ лица истукана; копыта же бросаютъ передъ нимъ на землю. Этимъ *Хехе* молятся о помощи въ дѣлахъ менѣе важныхъ, какъ то: при охотѣ, рыболовствѣ, и въ особенности въ случаѣ присяги. Если у Самоѣда украли что-нибудь, то онъ подозрѣваемаго въ воровствѣ призываетъ къ присягѣ. Онъ тогда дѣлаетъ *Хехе* изъ камня, земли, или даже изъ снѣгу, приводитъ подозрѣваемаго къ истукану, закалываетъ собаку, разбиваетъ истуканъ въ куски и говоритъ своему противнику: «если ты воръ, то да погибнешь какъ эта собака». Присяги Самоѣды боятся до того, что дѣйствительный воръ никогда не допуститъ довести себя до нея; онъ скорѣе до-

бровольно возвратитъ краденое. Вѣрятъ, что вора, приведеннаго къ присягѣ, *Хехе* разобьетъ такимъ же образомъ, какъ самъ онъ былъ разбитъ Самоѣдомъ. Вмѣсто истукана разрѣзаютъ иногда морду бѣлаго медвѣдя. Эта присяга считается еще важнѣе. Говорятъ; что присяга наиболѣе употребляется при покражахъ; но ею можно пользоваться и для другихъ цѣлей. Необращеннымъ Самоѣдамъ разрѣшено присягать въ судахъ по своему обряду.

Если больной призоветъ тадибея на помощь, то въ тотъ же день леченіе не начинается, какъ бы опасно ни было положеніе больнаго, но отлагается до первой зари. Ночью тадибей совѣтуется съ своими Тадебціо. Если больному къ утру получше, то пора прибѣгнуть къ барабану; въ противномъ случаѣ должно ожидать седьмой зари. Если больному тогда не лучше, то тадибей объявляетъ, что онъ неизлечимъ, и въ такомъ случаѣ онъ даже не приступаетъ къ леченію. Но если до опредѣленнаго срока произойдетъ въ здоровьѣ больнаго какая-нибудь перемѣна, то тадибей распрашиваетъ его, не знаетъ ли онъ, кѣмъ именно ему нанесена болѣзнь. Если не знаетъ, то тадибей начинаетъ развѣдывать, какіе у него есть непріятели, съ кѣмъ онъ «дрался и спорилъ,» и т. п Когда больной не можетъ сообщить нужныхъ свѣдѣній, то спрашиваютъ Тадебціо. Не зная происхожденія недуга, тадибей ничего не смѣетъ предпринять. Могло случиться, что болѣзнь послана Богомъ (замѣтьте это!)— а Его всемогущества тадибей не можетъ искушать

безнаказанно. Если же откроется, что болѣзнь произошла отъ злыхъ людей, то тадибей все-таки ограничивается тѣмъ, что проситъ Тадебціо помочь больному. Неизбѣжное послѣдствіе этой помощи то, что виновникъ болѣзни самъ заболѣетъ. Не знаю, можно ли положиться на слова тадибеевъ; но они увѣряли меня, что больше никакихъ чаръ не употребляется при леченіи больнаго. Они утверждаютъ, что не знаютъ никакихъ заговоровъ и заклинаній; также не имѣютъ никакаго понятія о естественныхъ лекарствахъ. По крайней мѣрѣ я не могъ открыть у нихъ другихъ способовъ леченія, кромѣ извѣстнаго почти у всѣхъ народовъ обжиганія. Изъ сушеной березовой губки Самоѣды вырѣзываютъ кусочки, которые застригаютъ и кладутъ на больное мѣсто. Считается благопріятнымъ предвѣщаніемъ, если вырѣзки губки отскакиваютъ отъ тѣла. Значитъ, что боль улетѣла вмѣстѣ съ ними.

Изъ всего сказаннаго видно, что хотя тадибеевъ и уважаютъ, какъ мудрецовъ и свѣдущихъ людей; однако въ самомъ дѣлѣ ихъ познанія очень ограниченны. Имъ до этаго и мало нужды, когда Тадебціо все дѣлаютъ за нихъ. Однако же и Тадебціо не всемогущіе духи, а подвласны *Йилеумбаэрче* или *Нуму*, какъ Самоѣды называютъ своего бога. *Йилеумбаэрче* въ Самоѣдской миѳологіи соотвѣтствуетъ *Укко* въ Финской. Онъ царствуетъ въ воздухѣ; это властитель грома и молніи, дождя и снѣга, жизни и смерти, однимъ словомъ: онъ повелѣваетъ всѣмъ, и въ немъ заключается все, что ни

есть превосходнаго — небо, солнце, звѣзды. Потому небо и воздухъ называются *Нумъ*; звѣзда именуется также по немъ *Нумгій*. При разсвѣтѣ Самоѣдъ, выходя изъ своего чума, обращается лицемъ къ солнцу и говоритъ: «какъ ты, Йилеумбаэрче, восходишь, такъ и я встаю»; а когда вечеромъ солнце садится, вотъ краткая молитва Самоѣда: «какъ ты, Йилеумбаэрче, заходишь, такъ и я отправляюсь отдыхать.» Слѣдовательно Йилеумбаэрче вмѣщаетъ въ себѣ и солнце. Ему Самоѣдъ молится во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ. *Хехе*, такъ сказать, только домашній богъ, а къ *Тадебціо* Самоѣдъ прибѣгаетъ только при ворожбѣ. Въ сказкахъ, кромѣ этихъ божествъ, упоминается о *хозяинѣ воды*, *пупѣ земли* и м. д.; но они, кажется, боги только по имени. *

Что Тадебціо подвластны Нуму, видно изъ пѣсни, гдѣ тадибей посылаетъ Тадебціо къ Нуму просить помощи больному. Тадебціо исполняетъ порученіе, но скоро возвращается съ вѣстью: «что Йилеумбаэрче не далъ слова.» Тогда тадибей начинаетъ просить помощи у самаго Тадебціо. Тотъ отвѣчаетъ: «какъ мнѣ помочь? я менѣе Нума; не могу я помочь вамъ.» Тадибей опять проситъ, чтобъ

* Что касается до этимологіи слова: *Йилеумбаэрче*, то оно можетъ значить: 1) созидатель живыхъ, и 2) сторожъ живыхъ. Оба значенія совершенно соотвѣтствуютъ его существу. Онъ создалъ все *доброе*, что̀ есть и живетъ, и онъ день и ночь охраняетъ *добрыхъ* людей отъ всякаго зла. *Нумъ* (Нум'ахъ) значитъ: *я стою*, крѣпокъ, непоколебимъ. Кто знаетъ, не въ родствѣ ли это слово съ Финскимъ: *Юмала* (богъ), по-Черемисски: *Юма*? *Нумъ* и *Юма*, въ филологическомъ отношеніи, находятся почти въ такой же связи между собой, какъ Финское *Исе* и Самоѣдское *Нисе'э* (отецъ), Русское: *Имя* и Самоѣдское *Нимо'хъ* (Финское *нимі*).

Тадебціо отправился въ вышину умолять Нума о помощи и пощадѣ. Тадебціо съ своей стороны совѣтуетъ тадибею отправиться самому туда. Тотъ отвѣчаетъ: «мнѣ до Нума слишкомъ далеко; если бы я могъ имѣть къ нему доступъ, то не просилъ бы я тебя—самъ бы пошелъ я тогда къ нему; но мнѣ до него слишкомъ высоко, такъ поди ты». Тадебціо наконецъ преклоняется и говоритъ:» для тебя я пожалуй пойду, но на меня Йилеумбаэрче безпрестанно сердится, и отвѣчаетъ, что не можетъ дать слова», и т. д.

V.

Я проведу здѣсь нѣкоторыя крайнія черты той суровой страны, по которой въ продолженіи 1843 года памѣренъ странствовать: къ сѣверу Ледовитое море, къ западу Бѣлое озеро, къ востоку Уральскій хребетъ, къ югу ели и прочій злакъ. Это неизмѣримое поле — земля Мезенскихъ Самоѣдовъ — разсѣкается на двѣ половины рѣками Печорою и Ижмою. Южную, бо́льшую половину, Русскіе называютъ тундрою Большеземельскою, или просто большою землею. Названіе это безъ сомнѣнія переводъ съ Финскаго. Когда Финны еще владѣли этою страною, ея тундру пазывали «*Исо-маа*» (большая земля), отъ чего въ послѣдствіи получила свое названіе рѣка Ижма, которая съ одной стороны составляетъ границу тундры. По примѣру Финовъ, и Самоѣды назвали ее Аэрка еэ (Aerkka jeâh, большая земля), хотя она не довольно обширна для безпокойнаго ихъ нрава, вле-

кущаго ихъ къ любезной родинѣ, Сибири *. Западная же половина раздѣляется на двѣ тундры: Канинскую и Тиманскую **. Большеземельскіе Самоѣды отличаются отъ Канино-Тиманскихъ тѣмъ, что еще не испытали въ значительной мѣрѣ вліянія Русскихъ. Вотъ почему народность ихъ является въ чистѣйшемъ видѣ, хотя и гораздо грубѣе, нежели даже у Канинскихъ Самоѣдовъ. Такъ и языкъ ихъ не столько искаженъ, сохраняя множество особенностей, проистекающихъ изъ глубины своеобразной ихъ натуры.

Путь мой лежитъ черезъ Канинскую и Тиманскую тундры, въ Пустозерскъ: это поселеніе очень удобно для Самоѣдскихъ разысканій моихъ, составляя въ зимнее время сборный пунктъ Большеземельскихъ Самоѣдовъ; жители близлежащей Тиман-

* Самихъ себя Большеземельскіе Самоѣды называютъ: Аарккаеудіера (Aarkkajeudierah).

** Ихъ разсѣкаетъ, на картѣ, рѣка Пёша, а, по показанію Самоѣдовъ, рѣка Суопа, которая впадаетъ въ западный уголъ Чешской губы. Къ западу отъ рѣки разстилается Канинская тундра, къ которой причисляется и полуостровъ Канинъ-носъ; Тиманская же тундра простирается отъ рѣки Суопы къ востоку до рѣки Печоры и Шамы. Канинскіе Самоѣды называютъ самихъ себя «Сальендіера», и землю свою: Сальe; Тиманская тундра называется Іуодейёв (Juodeyeäh, средина края), а жители: Іуодеіендіера. Но Тиманскіе Самоѣды, населяющіе пространство между Колокольскою губою и Печорскимъ заливомъ, называютъ себя особымъ именемъ: *Лаптандіера*, а землю свою: *Лапта* (Низовье). Это *раздѣленіе* страны на три тундры имѣетъ одно лишь статистическое основаніе, образовавшись, кажется, въ позднѣйшія времена. Съ ученой точки зрѣнія можно раздѣлять Мезенскихъ Самоѣдовъ, какъ кажется, только на два класса: на Канино-Тиманскихъ и Большеземельскихъ. Между Канинскими и Тиманскими Самоѣдами конечно обнаруживается нѣкоторое различіе въ нравахъ, но это проистекаетъ отъ внѣшнихъ и ежедневно перемѣняющихся обстоятельствъ. Въ филологическомъ отношеніи они нераздѣльны.

ской тундры также посѣщаютъ его. Для ученаго путешественника необходимо, чтобъ онъ умѣлъ свыкаться со всякимъ мѣстомъ, не покидая, изъ какихъ-нибудь внѣшнихъ побужденій, такаго поля, которое соотвѣтствуетъ его цѣли. По дорогамъ, какія избралъ я, въ особенности нужно отказаться отъ всѣхъ притязаній на такъ называемыя житейскія удобства. Въ тѣсной, дымной избѣ, при шумѣ бабьихъ споровъ и крикѣ дѣтей, надобно умѣть работать такъ же хорошо, какъ и въ шалашѣ, гдѣ снѣгъ пробивается чрезъ скважины въ стѣнкахъ, гдѣ огонь задувается вѣтромъ, и волчья шуба должна защищать отъ холода. Къ этому я наконецъ уже привыкъ; но жить въ чумѣ—вотъ къ чему я еще не успѣлъ пріучиться. При наступленіи темноты я охотно располагаюсь у гостепріимныхъ очаговъ Самоѣдскихъ; далеко за полночь разговариваю съ хозяиномъ и хозяйкою, стараясь такимъ образомъ ознакомиться съ чувствами, образомъ мыслей и бытомъ народа. Но когда первые лучи дня черезъ дымовое отверстіе проникаютъ въ темную лачужку, мною овладѣваетъ неопреодолимое желаніе «переселиться», по поговоркѣ Самоѣдовъ, «изъ маленькаго чума въ большой.»

Теперь, по указанію компаса, отправимся сперва отъ Сомжи прямо къ сѣверу. Передъ нами безконечная Канинская тундра. Она почти такъ же пага и бѣдна, какъ мать ея—море, котораго восточную полосу можно видѣть, и если бъ услужливый вѣтръ не сметалъ снѣга, посылаемаго благимъ Не-

бомъ на эту мрачную страну, то можно бы сомнѣваться, посреди какой стихіи находишься. Только мѣстами встрѣчается намъ рѣдешкій ельникъ. Чаще попадается ивовый кустарникъ, или, какъ Русскіе называютъ его словомъ Зырянскимъ — *ера*. Онъ обыкновенно указываетъ на близость маленькой рѣчки, тихонько протекающей по ровной тундрѣ. При подробнѣйшемъ разсмотрѣніи, еще можно вездѣ открыть небольшія возвышенности или бугры, изъ которыхъ многіе по наружности походятъ на Лапландскія горы; по зимою они едва замѣтны, отъ того, что окружающія ихъ углубленія наполнены снѣгомъ. Гдѣ такая неровность значительнѣе возвышается надъ поверхностію земли, тамъ грунтъ бываетъ голый, или развѣ покрывается тонкою, крѣпкою снѣговою корой, изъ-за которой вездѣ пробивается частый оленій мохъ. Вотъ все, что я могъ открыть, ѣдучи изъ Сомжи и нѣсколько часовъ сряду внимательно осматривая мѣстность. Земля пустынна, почти какъ при началѣ сотворенія міра, и самое небо облекалось въ свое сѣрое покрывало. Мы лѣниво тянулись впередъ; снѣгъ началъ падать въ лице; ямщикъ затянулъ въ полголоса монотонную пѣсню. Наконецъ показался шалашъ. Онъ принадлежалъ отцу моего ямщика. Когда мы подъѣхали, насъ встрѣтилъ хозяинъ съ хозяйкою. Съ намѣреніемъ я остался при саняхъ, чтобы узнать, какимъ образомъ располагали принять меня. Я ожидалъ, что меня по крайней мѣрѣ попросятъ войти въ шалашъ, но напрасно. Самоѣды стояли, не

трогаясь съ мѣста; мужъ смотрѣлъ на меня прищуриваясь, жена глядѣла то на меня, то на мужа. Ямщикъ медленно отпрягъ своихъ оленей, потомъ пошелъ онъ къ отцу съ матерью и привѣтствовалъ ихъ словомъ: *торове* (здоровы). «Торове» отвѣчали ему въ одинъ голосъ отецъ и мать; тѣмъ и кончился разговоръ. Тогда я подошелъ къ молчавшимъ хозяевамъ моимъ съ привѣтствіемъ: «торове», и получилъ тотъ же отвѣтъ. За этимъ послѣдовала опять длинная пауза, которую я наконецъ прервалъ тѣмъ, что велѣлъ заложить новыхъ оленей. Потомъ пошедши къ шалашу, отворилъ я дверь; тутъ было темно какъ въ могилѣ. Я просилъ хозяйку развести огня и вошелъ въ шалашъ, увѣренный, что меня не оставятъ тамъ въ темнотѣ. Но и въ этомъ я ошибся. Ощупью идя по шалашу, наткнулся я на кучу хворосту. Я взялъ ее въ охабку и всю бросилъ въ очагъ; вынулъ изъ кармана фосфорную спичку и зажегъ хворостъ. При свѣтѣ пламени замѣтилъ я дѣвочку, которая, забившись въ самый дальній уголъ, съ жадностью убирала кусокъ сыраго мерзлаго мяса. Она при этомъ не употребляла ножа, а просто зубами раздирала весь большой кусокъ и встряхивала головой, такъ-что волосы въ дикомъ безпорядкѣ развѣвались около багроваго лица. На меня поглядывала она глазами, въ которыхъ выражался отчаянный испугъ. Но вотъ вдругъ измѣняется выраженіе лица ея. Отбросивъ кусокъ мяса, она начинаетъ приводить въ порядокъ свои темные кудри. Лице опять принимаетъ свой натуральный цвѣтъ и глаза сіяютъ ра-

достію. Кто жъ бы подумалъ, чтобъ такая бездѣлица, какъ свѣтящаяся табакерка, могла произвести такую великую перемѣну въ душѣ человѣка? Между-тѣмъ, какъ дѣвушка, сидя въ нѣмомъ изумленіи, любовалась блескомъ табакерки, вошли остальные члены семейства; они сѣли передъ огнемъ. Сынъ расположился возлѣ меня, по лѣвую сторону очага; отецъ и мать заняли правую: таковъ обычай. Дѣвушка изъ уголка подошла къ матери, чтобы вблизи разсмотрѣть табакерку. Такимъ образомъ мы всѣ составили кружокъ и сидѣли въ глубочайшемъ молчаніи: трескъ огня только и слышался въ шалашѣ. Наконецъ дѣвушка прервала тишину: замѣтивъ кольцо на моемъ пальцѣ, она испустила непонятный для меня звукъ. Потомъ она черезъ мать свою стала разспрашивать меня, что бы я взялъ за кольцо, если бъ кто захотѣлъ купить его. Когда я увѣрялъ, что никакъ не продамъ кольца, развѣ получу за него теплое сердце хорошенькой Самоѣдки, дѣвушка опять удалилась въ свой уголокъ. Между-тѣмъ ямщикъ успѣлъ вынуть изъ-за пазухи флягу съ водкой. Онъ налилъ себѣ порядочную деревянную чашку, опорожнилъ ее разомъ и передалъ потомъ и бутылку и чашку отцу своему. Тотъ безъ церемоніи также налилъ себѣ чашку водки и возвратилъ бутылку сыну. Закусывая сырой олениной, они исподоволь пили по глотку, пока ничего болѣе не осталось въ бутылкѣ. Мать смотрѣла на все это съ грустнымъ безпокойствомъ; она не произносила ни слова — но глаза ея говорили тѣмъ трогательнѣе.

Сердце сына не чувствовало того; онъ спокойно выпилъ самъ послѣднюю каплю. Раздосадованный такою холодностію, я велѣлъ принести свой дорожный ящикъ и началъ потчевать хозяйку съ чрезвычайною щедростію. Теперь все въ шалашѣ приняло другой видъ: отецъ и сынъ, бросившись къ моимъ ногамъ, умоляли, чтобъ я имъ далъ «только одпаго шнапса» моей «отличной водки». «Негодяи!» вскричалъ я, «не стыдно ли вамъ просить у меня водки, когда сами вы ни одной капли не удѣлили той, кто вамъ всѣхъ ближе на свѣтѣ! Только изъ-за вашего жестокосердія я теперь угощаю хозяйку. Ты, безстыднѣйшій изъ сыновей, въ эту минуту ты ѣшь хлѣбъ своихъ родителей—такъ было и во всю жизнь твою; а тебѣ кажется, что мать твоя не заслужила чарки водки». «Кто мать моя?» спросилъ ямщикъ въ остолбенѣніи. «Вотъ она тутъ; развѣ она не мать твоя?» спросилъ я опять, указывая на хозяйку. «Не она моя мать», былъ короткій отвѣтъ ямщика. Тогда я спросилъ у хозяина, развѣ вто не жена его? Онъ сперва сказалъ, что нѣтъ, а потомъ отвѣчалъ утвердительно. Я уже готовъ былъ составить въмысляхъ самое дурное мнѣніе осупружескихъ отношеніяхъ Самоѣда; но когда сталъ распрашивать подробнѣе, ямщикъ объяснилъ: «мы не Христіане, и не вѣруемъ въ Русскаго Бога. Наша вѣра позволяетъ намъ брать столько женъ, сколько намъ угодно. Изъ нихъ первая почитается несравненно выше другихъ; я родился отъ первой жены моего отца. Если бъ *моя* мать была здѣсь, то я непремѣнно

далъ бы ей шнапсу; но тотъ, у кого не болѣе пятнадцати оленей, не въ состояніи угощать все семейство». Это объясненіе немного укротило мой гнѣвъ, такъ-что я далъ и отцу и сыну по шнапсу, но съ условіемъ, чтобы тотчасъ же запрягли оленей. Однако, прежде-нежели исполнили мое приказаніе, я вынужденъ былъ еще дать всѣмъ по одному шнапсу. Послѣ того вся честная компанія наконецъ вышла. Съ помощью собаки начали сгонять оленей: все стадо обвели веревкою и выбрали изъ него восемь оленей, изъ которыхъ по четыре запрягли въ каждыя сани. Когда мы ужъ были готовы отправиться, хозяинъ еще попросилъ чарку водки себѣ и женѣ своей. «Что ты мнѣ сдѣлалъ такаго, за что бы мнѣ поить тебя водкой?» спросилъ я Самоѣда. «Ты ѣдешь на моихъ оленяхъ», отвѣчалъ онъ. «За это я плачу тебѣ прогоны»—возразилъ я. «Я дамъ тебѣ хорошихъ оленей», сказалъ Самоѣдъ. «Но твой сынъ худо ѣдетъ» — отвѣчалъ я. «За то ты *ему* не дашь водки!» былъ отцовскій совѣтъ Самоѣда. Однимъ словомъ, я вынужденъ былъ дать хозяину и хозяйкѣ еще по шнапсу. Потомъ мы отправились. Въ пути застигла насъ темнота и метелица, и послѣ многихъ непріятностей мы почью пріѣхали въ деревню *Несь*. Она въ 60 верстахъ отъ Сомжи.

VI.

Деревня Несъ лежитъ при рѣкѣ того же имени верстахъ въ пятнадцати отъ впаденія ея въ Бѣлое море. Она состоитъ изъ бѣдныхъ избушекъ, въ

которыхъ живетъ нѣсколько мѣщанъ, записанныхъ въ Мезени. Ихъ предки здѣсь поселились для того, чтобы обманомъ и грабежемъ поправить свое разстроенное состояніе. Но это ни къ чему не служитъ ихъ потомкамъ, потому-что нынѣ Правительство здѣсь довольно дешево продаетъ Самоѣдамъ муку, соль, свинецъ и порохъ. Въ-старину производилась въ Несѣ торговля виномъ, и деревня эта служила тогда сборнымъ мѣстомъ Канинскихъ Самоѣдовъ. Въ 1825 году сюда присланы были миссіонеры для обращенія Самоѣдовъ въ Христіанскую вѣру. Это предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. Оставалось снабдить Самоѣдовъ Церквами и священниками. Такъ каждая изъ трехъ тундръ пріобрѣла свою Церковь: *Большеземельская* при рѣкѣ Колвѣ, *Канинская* въ деревнѣ Несѣ, а *Тиманская* при рѣкѣ Пёшѣ. Первыя двѣ были построены въ 1831-мъ, а послѣдняя въ 1833-мъ году. Нѣсколько времени спустя послѣ освященія Канинской Церкви, винную торговлю по весьма понятной причинѣ перевели изъ Неса въ деревню Сомжу. Съ тѣхъ поръ Самоѣды рѣдко посѣщаютъ Несъ; теперь они собираются около Сомжи, и тамошніе крестьяне присвоили себѣ почти всю торговлю, которая прежде составляла для жителей Неса источникъ пропитанія. Узнавъ въ Мезени эти обстоятельства, я рѣшился на нѣсколько недѣль поселиться въ Сомжѣ—но, какъ я уже въ одномъ изъ прежнихъ писемъ упоминалъ, Самоѣду питейный домъ былъ милѣе моей рабочей комнаты. Пріѣхавъ въ Несъ, я тотчасъ велѣлъ призвать къ себѣ стар-

шину Канинской тундры и приказалъ ему немедленно достать мнѣ Самоѣда, хорошо знающаго Русскій языкъ. Старшина обѣщалъ уже въ слѣдующій день исполнить мое порученіе, и я былъ такъ простъ, что положился на его обѣщаніе. Прошло нѣсколько дней, прошла недѣля, а Самоѣдъ не являлся. Въ этомъ ожиданіи протекло почти все время Святокъ.

Ты, можетъ быть, желаешь узнать, какъ Самоѣды празднуютъ Рождество. Это, какъ и многое на свѣтѣ, зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а мнѣ они на первый случай не очень-то благопріятствовали. За отсутствіемъ священника остановился я у чиновника, подъ надзоромъ котораго были хлѣбные, пороховые и соляные магазины той деревни. Новый годъ наступалъ. Мы съ понамаремъ выставили силки для бѣлыхъ куропатокъ. Но когда вечеромъ, наканунѣ новаго года, пошли мы осмотрѣть свои силки, то увидѣли съ горестію, что обманулись въ надеждѣ. Воротившись домой, я взялъ ружье и на лыжахъ отправился въ лѣсокъ. Не видно было ни одной бѣлой куропатки. Когда я уже сбирался домой, то увидѣлъ за рѣкою густой лѣсокъ, и рѣшился отправиться туда, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ могъ имѣть удовольствіе два раза спуститься съ горы. На первой горѣ была крутая стремнина, которой сверху не было видно. Если бы я прежде замѣтилъ ее, то увѣренъ, что скатился бы счастливо—но теперь, съ ружьемъ въ рукахъ, упалъ и ударился въ сугробъ. Къ-счастію, никто не видалъ моего позора, и я отправился домой съ весе-

лымъ видомъ. Вошедши въ комнату, сталъ я опять думать, какъ бы отпраздновать новый годъ. Отъ неудачной охоты, виды мои сдѣлались гораздо мрачнѣе. Единственнымъ моимъ прибѣжищемъ была теперь жена священника. Я взялъ шапку и пошелъ. Въ комнатѣ попадьи тускло горитъ свѣчка; въ кухнѣ темно. Съ стѣсненнымъ сердцемъ отворяю дверь; съ лежанки слышно было легкое храпѣніе. Тихими шагами подхожу къ двери; но взяться за ключь — на это у меня не стаетъ бодрости. Воротиться было бы опасно, потому-что, если бы чье-нибудь бдительное ухо замѣтило меня, я бы легко могъ быть принятъ за вора. Эта мысль меня ободрила. Я смѣло схватился за ключь — отворилъ дверь и вошелъ. Передъ столомъ сидитъ ангелъ юности и красоты. Она читаетъ большую книгу — у ногъ ея лежитъ на скамѣйкѣ маленькое дитя, слушая съ благоговѣніемъ житія Святыхъ Отцовъ.

Передъ Образами горитъ восковая свѣча. Подвинувшись шага на два, я поклонился, но не успѣлъ еще сказать ничего, какъ попадья ушла въ кухню, взявъ съ собою и малютку. Что это значитъ? Уже ли она оставитъ меня здѣсь одиаго? думалъ я. То-то была бы шутка, впрочемъ заслуженная. Возлѣ «Четій Миней» лежалъ пѣсенникъ. Я сталъ читать его, прочелъ нѣсколько страницъ: никто не являлся. Наконецъ вошла служанка съ самоваромъ; въ слѣдъ за нею и попадья. Теперь я докончилъ прерванную фразу простымъ извиненіемъ въ томъ, что рѣшился потревожить ее. Но она съ кротостію у-

прекнула меня за то, что я до этихъ поръ не «удостоивалъ ея посѣщеніемъ». «Мы ведемъ,» прибавила она, «печальную жизнь въ этой пустынѣ. Когда пріѣзжіе посѣщаютъ насъ, мы сердечно бываемъ рады, а васъ мы ужъ давно ждали.» Принявъ это за обычную вѣжливость, я отвѣчалъ довольно сухо, что мои земляки и единовѣрцы рѣдко бываютъ дорогими гостями. Попадья возразила съ жаромъ: «Мы въ свѣтѣ научились не многому, но добрыхъ людей не боимся, какой бы ни были они вѣры и націи. Злыхъ людей мы ненавидимъ и гнушаемся ими, будь они и изъ нашихъ единовѣрцевъ. Хоть вы у насъ и не были; но я, желая доставить вамъ удобное помѣщеніе, приготовила вамъ комнату. По возвращеніи моего мужа мы хотѣли пригласить васъ къ себѣ; но, если вамъ угодно, вы можете переѣхать ужъ завтра». Потомъ она показала мнѣ комнату, которая была свѣтла и весела. Попадья сама обтянула стѣны картузною бумагой и окрасила ихъ голубою краской. Въ комнатѣ былъ маленькій диванчикъ и нѣсколько чистенькихъ деревянныхъ стульевъ. Вычищенный самоваръ стоялъ на опрятномъ столѣ. Осмотрѣвъ все, мы возвратились къ чайному столу, на который, кромѣ обыкновенныхъ принадлежностей, въ отсутствіи нашемъ, поставили и пирогъ съ ягодами. Въ занимательныхъ разговорахъ я не замѣтилъ, какъ прошелъ вечеръ. Черезъ нѣсколько дней священникъ возвратился, и я провелъ Русскія Святки, какъ нельзя пріятнѣе, въ его веселомъ и добромъ семействѣ. До сихъ поръ моя

иноземная, неправославная особа внушала нѣкоторую боязнь. Но когда всѣ замѣтили, какую благосклонность священникъ и его жена оказывали мнѣ; когда увидѣли, что мы обѣдаемъ за однимъ столомъ (противъ чего, мимоходомъ сказать, слышны были замѣчанія); увидѣли даже, что священникъ въ день самаго Рождества окропилъ меня святою водою: тогда наконецъ и простые люди стали считать меня человѣкомъ. Вообрази, что въ день Рождества нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, называемыхъ *виноградьемъ*, черезъ жену священника попросили позволенія спѣть мнѣ пѣсню. Содержаніе ея въ томъ состояло, что мнѣ сулили невѣсту, которой богатство, красота и дарованія превозносимы были до небесъ. Извини, что я тебя такъ долго занимаю бездѣлицами. Да, для васъ благосклонное обхожденіе, вкусный столъ, хорошенькая пѣсня, сердечное слово — чистыя бездѣлицы; но ты не долженъ забывать, что мы теперь находимся въ самыхъ несходныхъ обстоятельствахъ. Вы обильно наслаждаетесь благами жизни, а мнѣ обыкновенно долго приходится брести тяжелымъ путемъ, пока судьба не приведетъ встрѣтиться съ добрыми людьми.